КЛАССИКА ИЗ ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать детективные истории о Ниро Вулфе. Он органично вошел в нашу жизнь... Как Шерлок Холмс...

New York Times Book Review

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Успеть до полуночи

«ИНОСТРАНКА»

Рекс Тодхантер Стаут
Успеть до полуночи
Серия «Ниро Вульф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66549566
Успеть до полуночи: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2021
ISBN 978-5-389-20268-9

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На финальном этапе конкурса, который устраивает парфюмерная компания, убит один из организаторов, а из его бумажника исчезают ответы на заключительные вопросы. Под подозрением все пять финалистов, и, чтобы избежать скандала, организаторы просят Вулфа найти листок с ответами. Вопреки мнению полиции Вулф придерживается версии, что человек, укравший ответы, и убийца – одно и то же лицо.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 19
Глава 4 37
Глава 5 48
Глава 6 65
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Рекс Стаут
Успеть до полуночи

Rex Stout
BEFORE MIDNIGHT
Copyright © 1955 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© Т. Н. Чернышева, перевод, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

Глава 1

Не то чтобы наш разговор вечером в тот апрельский вторник каким-то образом повлиял на дальнейшие события, но он стал к ним прелюдией, а позднее раза два помог Вулфу сориентироваться. Когда в нашем старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице закончился обед, главным блюдом которого было одно из лучших творений Фрица – голуби с колбасками и квашеной капустой, – я проследовал за Вулфом из столовой через прихожую в кабинет и, подождав, пока Вулф не возьмет журналы со столика рядом с большим глобусом и не устроится в кресле за письменным столом, спросил, нет ли для меня поручений. Спросил для страховки. Я заранее предупредил, что в четверг уеду до вечера на открытие бейсбольного сезона на стадионе «Поло-граундс», и не хотел, чтобы меня потом попрекали несделанными делами.

Он сказал, что поручений нет, погрузил свои обширные телеса в кресло – единственное на всем белом свете кресло, которое ему нравилось, – и раскрыл первый журнал. Примерно двадцать минут в неделю у него отведено на просмотр рекламных объявлений. Я прошел к своему столу, сел, потянулся было за телефонной трубкой, но звонить передумал, решив, что страховок много не бывает. А потому, повернувшись в его сторону и увидев, как он сердито сдвигает бро-

ви, я подошел к нему посмотреть, что там ему не понравилось. Не понравилась ему черно-белая полностраничная реклама, которую я, как и миллионы моих сограждан, давно выучил наизусть, хотя учить-то особенно было нечего – в рекламе было всего шесть слов, если не считать повторов. В центре страницы, немного ближе к верху, красовался элегантный флакончик, на этикетке которого изящным шрифтом было выведено в две строчки: «Pour Amour». «Pour» – в верхней, «Amour» – внизу. Сразу под флакончиком стояли еще два, под двумя – три, еще ниже – четыре и так далее до низа страницы. В самом нижнем ряду их было семь, а во всей пирамиде – двадцать восемь. Наверху были размещены слоганы: слева в углу «Pour Amour» – это ради любви, а в углу справа – «Pour Amour» – для любви.

– Тут заслуживают внимания две вещи, – сказал я, а Вулф хрюкнул и перевернул страницу. – Во-первых, само название. Процентов от шестидесяти четырех до семидесяти женщин верят, что это духи «Ради любви», и процент был бы выше, если бы они знали французский и понимали разницу между «Ради любви» и «Для любви». Не хочу обижать американских женщин. Наверняка среди них мало кто хотел бы оказаться в роли «для любви», потому и нельзя было называть духи так прямолинейно. Только представьте себе. Читают женщины рекламу «Для любви» и думают: «Хватает же наглости подсовывать мне свои паршивые духи, чтобы я их использовала *для* любви! Вот я им покажу! За кого они меня

принимают! Десять баксов за пол-унции!» Во-вторых…

– Хватит и во-первых! – рыкнул Вулф.

– Есть, сэр. Во-вторых, флакончиков очень много. Что противоречит правилам. Главная идея в рекламе духов показать один флакончик, который создаст впечатление, будто эти духи – ценная редкость, потому поторопитесь, чтобы она вам досталась. Но что делает «Pour Amour». «Pour Amour» говорит: «Послушай! У нас этого добра полно, и у нас тут свободная страна, и у каждой женщины есть право на свободную любовь, а если оно вам ни к чему, попробуй это». Совершенно новый подход к рекламе, на все сто американский, плюс объявленный конкурс, так что товар, видимо, окупается.

Я надеялся к этому моменту уже получить желаемый результат, однако Вулф лишь перелистывал страницы. Я набрал в грудь воздуха.

– Конкурс, как вам, вероятно, самому известно, поскольку вы рекламу просматриваете, – это азарт. А тут призовой фонд миллион долларов наличными. Пять месяцев подряд каждую неделю печатают новое задание… Могу воспроизвести дословно, не зря же я столько лет у вас тренирую память: «В описании использованы биографические факты из жизни реальной женщины, которая оставила след в истории и пользовалась косметикой». Двадцать недель – двадцать женщин. Первое задание было такое: «За трон мой шел сам Цезарь в бой; Антоний сам был мне отрада, но грудь моя в час

роковой взалкала рокового яда». Загадка, конечно, простая: Клеопатра. Номер два тоже ерунда: жена Арагонца наслушалась басен Колумба, заложила свои драгоценности и на эти деньги снарядила корабли. Не помню, чтобы когда-нибудь читал, будто королева Изабелла пользовалась косметикой, хотя, учитывая отсутствие ванн в пятнадцатом веке, наверняка пользовалась. Могу также продекламировать номер три, четыре и пять. Дальше – хуже, под конец первой десятки я уже и просматривать бросил. Бог знает, что за чушь ближе к двадцатому. Например, вот номер семь… или восемь… забыл… «Министром стал мой сын родной, пусть не умела я писать; мой мистер Браун молодой свою прославил мать». По-моему, это жульничество. Учитывая, сколько в истории Браунов и сколько сыновей…

– Пф! – Вулф перевернул страницу. – Нелл Гвин, английская актриса.

Я замер.

– Ну да, знаю такую. Но как?.. Может быть, кто-то из ее поклонников носил фамилию Браун… или Браунсон… Но ее же не сын прославил. Кто-то из королей.

– Карл Второй, – самодовольно произнес Вулф. – Он дал сыну от нее титул герцога, а его отец, Карл Первый, когда в юности отправился в Испанию, взял себе имя мистер Браун. Нелл Гвин была, разумеется, любовницей Карла Второго.

– Мне больше по вкусу «возлюбленная». Ладно, вижу, вы прочли десять тысяч книг… Как насчет этого… По-моему,

девятое: «По закону, который принял он, я женой не могла его быть. Он послушно свой соблюдал закон, продолжая всю жизнь любить». – Я помахал рукой. – Назовите имя.

– Арчи, ты никуда не собирался? – спросил Вулф, повернув голову ко мне.

– Нет, сэр, сегодня нет. Лили Роуэн, правда, думала заказать столик во «Фламинго», так как я мог бы и заскочить потанцевать, но я сказал, что могу вам понадобиться, а она знает, как я незаменим…

– Пф! – Он чуть было не рассердился, но решил, что дело того не стоит. – Ты хотел уйти и при этом снять с себя ответственность за отсутствие в доме, для чего добиваешься, чтобы я сам предложил тебе прогуляться. Ты своего добился. Предлагаю идти, куда хочешь, только сию же минуту.

Я мог бы загадать ему еще три-четыре загадки, но Вулф вздохнул и снова уткнулся в журнал, потому я промолчал. Когда я уже был у двери, он буркнул мне в спину:

– Перед обедом ты побрился и переоделся.

Нелегко работать и жить с великим детективом.

Глава 2

Поскольку вернулся я поздно и никаких срочных дел для меня не было, утром в среду я спустился вниз только в начале десятого, где слегка перекусил, умяв грейпфрут, овсянку, блинчики, бекон, ежевичное варенье и кофе. Вулф к тому времени, конечно, уже успел позавтракать у себя и подняться в оранжерею, где в это время занимался орхидеями.

– Приятно смотреть, Арчи, – сказал Фриц, выливая на сковородку тесто, собственноручно замешенное, чтобы испечь мне четвертый блин. – Хорошо отдохнул – и аппетит хороший. Главное, никто не мешает.

Я дочитал до конца абзац в «Таймс», которая лежала на стойке передо мной, дожевал кусок, отпил кофе и сказал:

– Честно говоря, Фриц, кроме тебя, нет на свете ни одного человека, кого я стерпел бы рядом с собой, пока завтракаю и читаю газету. Ты оставляешь целиком на мое усмотрение, отвечать тебе или нет, даже слушать или нет. Однако я все слышу. Например, то, что ты только что сказал. Позволь спросить, имел ли ты в виду, что у нас нет клиентов, нет работы и тебя тревожит состояние нашего банковского счета, который, того и гляди, станет меньше, чем следует? Я прав?

– Да. – Фриц шлепнул мне на тарелку толстый золотисто-коричневый блин. – Я имел в виду наш счет, но если тебе кажется, будто меня это пугает, – нет. С чего бы мне боять-

ся? С мистером Вулфом и с тобой…

Зазвонил телефон. Я снял трубку с аппарата, стоявшего в кухне, и незнакомый глубокий баритон сообщил мне, что говорит Рудольф Хансен, которому срочно нужен Ниро Вулф. Я сказал, что мистер Вулф освободится не ранее одиннадцати, но мистер Хансен может оставить сообщение. Он заявил, что должен увидеть Вулфа безотлагательно и будет у нас через пятнадцать минут. Я повторил, что раньше одиннадцати ему у нас делать нечего, если только он не объяснит мне причину срочности. Он сказал, что приедет через пятнадцать минут, и повесил трубку.

Фриц тем временем, отставив в сторону блин, успевший остыть, наливал в сковородку тесто для следующего.

Обычно, если о встрече просит незнакомый человек, я стараюсь навести о нем хотя бы самые краткие справки, но в тот раз в моем распоряжении было всего пятнадцать минут, а у меня оставались еще один блин и еще одна чашка кофе. Я только-только успел закончить завтрак и отнести в кабинет свой экземпляр газеты, когда в дверь позвонили. В прихожей я сначала посмотрел на крыльцо через одностороннюю стеклянную панель и увидел там не одного, а четверых мужчин: трое были среднего возраста, четвертый старше, все хорошо одеты, двое – в мягких фетровых шляпах.

Я приоткрыл дверь на два дюйма, то есть ровно настолько, насколько позволяла дверная цепочка, и сказал им:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Я Рудольф Хансен. Я вам звонил.

– Кто остальные?

– Что за нелепость! Откройте дверь!

– Это вам, мистер Хансен, кажется, что нелепость. Не далее чем в ста милях отсюда, в заведении под названием Синг-Синг, человек сто, не меньше, очень хотели бы побеседовать с мистером Вулфом, а может, не только побеседовать. Признаю, вы не похожи на беглых преступников, но вас четверо, джентльмены. Представьтесь, пожалуйста.

– Я адвокат. А это мои клиенты. Мистер Оливер Бафф. Мистер Патрик О'Гарро. Мистер Вернон Асса.

Имен я не знал, но рассмотреть успел, и если я хоть что-нибудь понимаю, то перед нашей дверью стояли люди, которые пришли явно не затем, чтобы устраивать нам проблемы, а чтобы решить свои. Потому я впустил их, помог устроить пальто и шляпы на нашей старой вешалке из ореха, затем провел в кабинет, рассадил по креслам, а сам сел за свой стол.

– Сожалею, джентльмены, но ничего не поделаешь. Мистер Вулф спустится вниз не раньше одиннадцати. Он может нарушить правило, но для этого нужны причины. Единственное, чем я могу помочь, – это выслушать вас, убедиться в срочности, подняться к мистеру Вулфу и убедить его. В лучшем случае все вместе это займет минут двадцать пять, а сейчас на часах без двадцати пяти одиннадцать, потому советую вам подождать.

– Вас зовут Гудвин, – констатировал Хансен.

Его баритон теперь не казался таким глубоким, как по телефону. Я усадил его в красное кожаное кресло поближе к столу Вулфа, но длинная, тощая шея, сероватый оттенок лица и слишком большие уши явно с ним дисгармонировали. Этому типу больше подошел бы жесткий стул с прямой спинкой, без всякой обивки.

– Мистер Гудвин, – сказал он, – у нас дело в высшей степени срочное и настолько же конфиденциальное. Немедленно сообщите мистеру Вулфу о нашем визите, я настаиваю.

– Мы все настаиваем, – властно произнес один из клиентов мистера Хансена.

Второй мерил шагами комнату, вскочив с кресла, едва я усадил его. Третий пытался удержать спичку, чтобы прикурить сигарету.

Я не видел смысла препираться, потому вежливо сказал:

– Ладно, постараюсь помочь, – встал и вышел из кабинета.

Фриц, который никогда ни о чем не спрашивал, если речь касалась работы, мыл посуду и лишь бросил вопросительный взгляд, когда я снял трубку с внутреннего аппарата, чтобы позвонить наверх.

Через пару секунд Вулф рявкнул мне в ухо:

– Да?!

– Звоню из кухни. В кабинете у нас четверо, в рубашках «Sulka» и туфлях «Фирман». Они в панике. Говорят, вы нужны немедленно.

– К черту!..

– Понял, сэр. Я просто предупреждаю, что у нас посетители. Им я сказал, что постараюсь помочь, вот и стараюсь.

Я отключился первый, затем снял трубку другого аппарата и набрал городской номер. Натаниэля Паркера, адвоката, к которому в крайних случаях обращается Вулф, не оказалось на месте, зато оказался его сотрудник Сол Эрлих. О Хансене Сол знал только, что тот старший партнер в адвокатской конторе, с офисом в центре города и обширной практикой, и имеет репутацию очень умного парня. Повесив трубку, я сказал Фрицу, что у нас появилась надежда пополнить счет на полгода вперед, если, конечно, Фриц поможет мне окончательно проснуться, для чего сварит еще одну чашку кофе.

Когда стрелка часов прыгнула на одиннадцать, в ту же секунду загудел спускающийся лифт, и я вышел в прихожую, где встретил Вулфа, доложил все, что узнал о Хансене, и следом за ним вошел в кабинет. Там, как всегда, дождался, когда Вулф дошествует до своего кресла, и лишь тогда, поскольку Вулф не любит пожимать руки незнакомым людям, представил ему посетителей. Хансен рванул с места в карьер. Вскочил, положил перед Вулфом на стол визитку, снова сел.

– Моя визитка, – сказал он. – Я Рудольф Хансен, адвокат. Эти джентльмены – мои клиенты, вернее, клиентом является их компания. Мистер Оливер Бафф. Мистер Патрик О'Гарро. Мистер Вернон Асса. Мы уже потеряли зря драгоценные

минуты. Нам необходимо поговорить без свидетелей.

Вулф нахмурился. Первые минуты знакомства с клиентами даются ему нелегко. Не всегда находится уважительная причина выставить их за порог, а если причины нет, значит придется работать.

– Тут нет свидетелей, – покачал головой Вулф. – Только мистер Гудвин. Возможно, его нельзя назвать незаменимым, но он, безусловно, неустранимый.

– Мы предпочли бы беседовать наедине.

– Сожалею, сэр. В таком случае вы действительно зря потеряли время.

Он посмотрел на посетителей, и я тоже посмотрел. Старший из них, Оливер Бафф, был краснолицый и седой. Из-за белизны волос его круглое лицо казалось краснее, а седина из-за красноты – белее. Это он, как и Хансен, пришел в шляпе. Патрик О'Гарро был с ног до головы коричневый – глаза, волосы, костюм, галстук, носки и ботинки. Рубашка, естественно, была белая. Вернон Асса, невысокий, толстоватый, с пухлыми плечами, вероятно, только что вернулся из Флориды, где загорал, наверное, не меньше месяца, хотя, возможно, был просто смуглый от рождения. Вот ему пошел бы коричневый костюм, но Вернон Асса был весь в сером, не считая черных ботинок.

– Какого черта! – пробормотал он.

– Действуйте, – велел Бафф Хансену.

Адвокат повернулся к Вулфу:

– Мистер Гудвин работает, разумеется, на вас?

– Разумеется.

– Здесь он присутствует в качестве вашего полномочного заместителя?

– Полномочного заместителя? Пусть так… Да.

– Значит, этот момент прояснили. Теперь я прежде всего хотел бы предложить вам нанять меня в качестве адвоката и выдать мне один доллар на оплату моих услуг.

Я поднял на него глаза. Парень чокнутый. В этом кабинете деньги движутся только в одну сторону.

– Не слишком заманчивое предложение, – сухо сказал Вулф. – У вас есть аргументы?

– Конечно. Насколько вам известно, доверительные отношения между адвокатом и клиентом охраняются законом, и содержание беседы между ними не подлежит разглашению. По этой причине я хотел бы установить между вами и мной доверительные отношения, а затем изложить причины, заставившие этих джентльменов искать здесь помощи. Конечно, вы будете вольны прервать их в любой момент, если посчитаете нужным аннулировать эту договоренность, но вы получите законное право не сообщать о нашем деле властям, не нарушая закона. Мы с моими клиентами попадаем, таким образом, в зависимость от вас, однако ваша репутация не позволяет усомниться в вашей порядочности и разумности. Я предложил бы даже сузить круг моих функций, а именно: нанять меня как консультанта по вопросу целесообразно-

сти принятия делового предложения со стороны компании «Липперт, Бафф и Асса».

– Что это за компания?

– Вы наверняка слышали. Рекламное агентство.

Вулф двинул губами влево и назад. У него это считалось улыбкой.

– Очень изобретательно. Поздравляю. Но, как вы и сказали, вы окажетесь в зависимости от меня. Я буду иметь возможность разорвать наши отношения без штрафных санкций.

– Одну минутку, – вклинился О'Гарро; его умные яркие карие глаза перебегали с Вулфа на Хансена. – В самом ли деле это разумно?

– У нас нет другого выхода, Пэт, – ответил адвокат. – Если мы его нанимаем, придется ему доверять.

– Мне это не нравится… Но если нет другого выхода…

– Его нет. Оливер?

Бафф сказал «да».

– Вернон?

Асса кивнул.

– В таком случае нанимаете ли вы меня, мистер Вулф? Как оговорено?

– Да… Арчи, выдай мистеру Хансену один доллар.

Я достал из бумажника доллар, удержавшись от колкости, какой, безусловно, заслуживала эта транзакция, подошел к адвокату и протянул.

– Передаю вам доллар, – сказал я официальным тоном, – как полномочный заместитель мистера Ниро Вулфа.

Глава 3

– Это длинная история, – начал Хансен, обращаясь к Вулфу, – но ее придется изложить как можно короче. Эти джентльмены приглашены к окружному прокурору для беседы. С этого момента я говорю как ваш консультант по вопросу о вашем найме. Знаете ли вы об убийстве Луиса Далманна?

– Нет.

– О нем сообщали по радио.

– По утрам я не слушаю радио. Как и мистер Гудвин.

– К черту радио! – рявкнул Асса. – По делу, Рудольф!

– Я по делу. Один из самых крупных партнеров ЛБА – так мы называем между собой агентство «Липперт, Бафф и Асса» – это парфюмерная компания «Хири продактс инкорпорейтед». Одно из основных ее направлений – косметика марки «Pour Amour». Линию запустили в производство несколько лет назад, и все это время она давала хорошую прибыль. Прошлой весной один из сотрудников ЛБА по имени Луис Далманн выдвинул новую идею для продвижения «Pour Amour» на рынке. Он добился одобрения, затем представил ее в «Хири», где идея также показалась перспективной, и ей был дан старт двадцать седьмого сентября прошлого года. ЛБА вместе с «Хири продактс» объявили конкурс с призовым фондом, какого еще не было в нашей истории:

пятьсот тысяч долларов наличными за первое место, двести пятьдесят тысяч за второе, за третье – сто, а также еще пятьдесят семь мелких призов. Теперь я должен объяснить, в чем суть. По условиям конкурса в течение двадцати недель во всех крупных газетах и журналах печатали четверостишие, в котором…

– Сэкономлю вам время, – сказал Вулф. – Знаю.

– Вы тоже принимали участие? – немедленно спросил О'Гарро.

– В конкурсе? Бог мой – нет!

– По делу! – поторопил Асса.

Хансен продолжил:

– Участники должны были прислать ответы до четырнадцатого февраля. До полуночи четырнадцатого февраля, что подтверждал бы почтовый штемпель. В конкурсе приняли участие больше двух миллионов человек, потому Далманну пришлось набрать команду помощников. В нее вошли триста мужчин и женщин, которых он обучил обрабатывать письма. После окончания этой работы было выявлено семьдесят два конкурсанта, правильно отгадавших все двадцать загадок. На такой случай Далманн заготовил дополнительное задание из пяти загадок, которые двадцать восьмого марта были отправлены авиапочтой семидесяти двум конкурсантам. Ответы они должны были отправить до полуночи четвертого апреля. На этот раз одинаковые результаты показали пятеро. Они разгадали все пять загадок, уложившись в срок,

и Далманн пригласил их в Нью-Йорк, сам лично всех обзвонив. Предполагалось, что здесь будут вручены первые три приза, а также два приза по десять тысяч долларов. Все приехали, и вечером накануне награждения Далманн пригласил их на обед в малом зале в «Черчилле». Там же присутствовали Тэлботт Хири от «Хири продактс», Вернон Асса и Патрик О'Гарро. Далманн собирался выдать этим финалистам еще одно дополнительное задание и дать срок неделю. Однако одна конкурсантка запротестовала: она приехала из Лос-Анджелеса, так что ей осталось бы намного меньше времени, потому условились для каждого установить свою дату, отсчитывая начало срока со дня возвращения домой, а конец – по почтовому штемпелю в день отправки. Встреча закончилась около одиннадцати часов, после чего все разошлись. Четверо из пяти финалистов приехали в Нью-Йорк из других мест, и компания поселила всех в том же «Черчилле». Пятая, молодая женщина по имени Сьюзен Тешер, ушла из отеля, вероятно, домой.

– Да переходи же к делу, черт побери! – рявкнул Асса.

– Верн, я излагаю короче некуда… Далманн, скорее всего, тоже отправился домой. Он был холост и жил один в квартире на Перри-стрит. Каждый день в семь утра приходила женщина, которая готовила ему завтрак. Когда она явилась сегодня, то увидела Далманна на полу в гостиной… Он был мертв. Его убили выстрелом в спину, использовав вместо глушителя диванную подушку. Пуля попала в сердце. Жен-

щина побежала за управляющим домом, тот известил полицию, полицейские приехали, занялись своим делом. Возможно, позже вы захотите узнать подробности убийства, на данный момент они неизвестны. Далманна обнаружили всего четыре часа назад… Возможно, и не захотите, потому что вы нам нужны не для расследования убийства. Вы нужны для дела, куда более важного.

Я положил ногу на ногу. Если у людей есть дело более важное, чем раскрытие убийства, мои мышцы реагируют на это сами.

Хансен, уперев руки в колени, подался вперед:

– Тут мы подошли к главному. Ответов на конкурсные вопросы не знал никто, кроме Луиса Далманна. Каждую загадку он сочинил сам – и первые двадцать, и дополнительные пять для семидесяти двух победителей, и вторые дополнительные пять для последних пяти победителей. Ответы на первые двадцать, конечно, знала команда помощников, но ответы для второго этапа знал только он, и победителей называл он. Задания же для финалистов он хранил в строжайшем секрете до последнего момента, как и ответы на них. Эти задания Далманн распечатал на машинке, сделав всего семь копий. Одну положил в депозитный сейф, одну – не уверен где, остальные пять вчера вечером раздал пятерым финалистам.

– Ту он положил в бумажник, – сказал О'Гарро.

Хансен это проигнорировал.

– Как бы то ни было, нас сейчас интересуют не загадки, а разгадки. Я говорю об ответах для последнего задания, остальное не важно. Пять имен плюс краткие комментарии: какие слова в четверостишии указывают на загаданных женщин. Считается, что существует единственный экземпляр ответов. Далманн напечатал их на бумаге с логотипом ЛБА, поставил свою подпись и дал подписать Баффу, Ассе и О'Гарро, прикрыв ответы другим листом, так чтобы их никто не видел, затем положил в конверт, заклеил и в присутствии пятерых свидетелей собственноручно убрал в депозитный сейф. Так что ответы, как я и сказал, знал только Далманн.

– Насколько это известно нам, – вставил Бафф.

– Разумеется, – согласился адвокат.

– Бог ты мой, сколько можно! – разъярился Асса.

– Перехожу к главному. Вчера на встрече в «Черчилле» Далманн совершил один в высшей степени необдуманный поступок. Когда…

– Мягко сказано, – перебил его Бафф. – Безответственный поступок! Преступление!

– Пожалуй, это чересчур. Но поступок был и в самом деле неразумный. Собираясь вручить конверты с новым заданием, Далманн вынул из внутреннего кармана пиджака не только конверты, но и бумажник и несколько листков бумаги. Он стал раздавать по кругу конверты, и тут… Пэт, дальше – ты, ты там присутствовал.

О'Гарро кивнул:

– Он раздал конверты, потом стал собирать то, что достал случайно, потом на мгновение вдруг задумался, улыбнулся всем, раскрыл бумажник, вынул сложенный листок и сказал, что будто бы…

– Нет. Дословно.

– Он сказал: «Просто хочу убедиться, что этот листок не попал ни к кому в руки. Тут все пять ответов на последнее задание, которое вы получили». После чего убрал листок в бумажник, а бумажник в карман.

– Преступная глупость! – прорычал Бафф.

– Когда закончилась встреча?

– Почти сразу. Финалистам не терпелось поскорее заглянуть в конверты, так что нам вряд ли удалось бы их долго удерживать за столом, даже если бы мы и пытались, но мы не пытались.

Хансен подался к Вулфу.

– Тут мы подошли к главному, – сказал он. – Утром, когда обнаружили тело Далманна, он был в той же одежде, что накануне. В карманах лежали чековая книжка, несколько сот долларов… Не было лишь одной вещи. Бумажника. Мы просим… Вернее, «Липперт, Бафф и Асса» просят вас выяснить – желательно сегодня, – кто из пяти финалистов взял бумажник. Все пятеро в Нью-Йорке. Мы убедили остаться тех, кто собирался улететь утром, объяснив, что они в любом случае понадобятся полиции. – Хансен взглянул на свои наручные

часы. – Мы опаздываем к прокурору… Впрочем, там подождут. Что вам потребуется, чтобы как можно быстрее начать расследование?

– Сущая мелочь, – сказал Вулф со вздохом. – Меня нанимает компания «Липперт, Бафф и Асса»? Верно?

Хансен повернулся к Баффу:

– Оливер?

– Да, – сказал Бафф, – верно.

– У меня высокие ставки. Размер гонорара определяю я?

– Да.

– Какая разница, черт побери! – высокомерно воскликнул Асса.

– Где сейчас мистер Липперт? – спросил Вулф.

– Мистера Липперта нет. Он умер десять лет назад.

– Следовательно, мистер Липперт не имеет отношения к вашему конкурсу… Вы сказали, мистер Хансен, что просите меня выяснить, кто из пяти финалистов взял бумажник Далманна. Не возьмусь. Это слишком сложная задача. Что, если никто из них?

– Ради бога! – Хансен вытаращил глаза. – Кто же еще?

– Не знаю. Судя по вашему рассказу, на первый взгляд и в самом деле кажется в высшей степени вероятным, что это сделал кто-нибудь из них, но я не могу заранее ограничивать себя таким тесным кругом. О том, что за листок бумаги лежит в бумажнике Далманна, знали еще по меньшей мере трое: мистер Хири, мистер О'Гарро и мистер Асса.

Асса лишь крякнул от нетерпения.

О'Гарро сказал:

– Вы совершенно правы. К тому же в «Черчилле» я позвонил из телефона-автомата Баффу и Хансену и рассказал об этом. Хансен ответил, что тут ничего не поделать. Бафф хотел, чтобы я встретился с Далманном и убедил его уничтожить этот листок, но в конце концов мы пришли к выводу, что не стоит этого делать.

– Хорошо, – заключил Хансен, – в любом случае это мелочи. Сформулируем задачу так: вы беретесь узнать, кто взял бумажник и листок с ответами. Так устроит?

– Устроит, – согласился Вулф. – Насколько я понимаю, поиск убийцы в мою задачу не входит.

– Не входит. Это само собой. Поиск убийцы – дело полиции, и тут двух мнений быть не может. Полиции ничего не известно о бумажнике и о листке с ответами в бумажнике, как и о том, что накануне Далманн достал их в присутствии всех. Никто из нас, включая мистера Хири, не намерен об этом сообщать. Разумеется, когда полиция начнет допрашивать финалистов… возможно, уже начала… Нельзя исключить, что кто-нибудь об этом скажет, хотя, на мой взгляд, сомнительно… Что ты сказал, Пэт?

– Сказал, что, судя по вчерашней встрече, все пятеро не дураки. Нет, не дураки, а тут на кону полмиллиона долларов, не считая других призов. Не думаю, чтобы кто-нибудь сболтнул про листок. Как по-твоему, Верн?

– Я тоже так думаю, – согласился Асса, – разве что эта чертова курица Фрейзи. Бог знает, что она может ляпнуть.

– Но, – вставил Хансен, – даже если кто-нибудь и скажет, а полиция спросит, по какой причине мы об этом не рассказали, наш ответ будет таким: не придали значения, поскольку все знали, что Далманн пошутил. По меньшей мере мы знали, и нам казалось, что все это поняли. Если даже нам не поверят, мы будем категорически отрицать предположение, будто Далманн действительно принес в бумажнике листок с ответами и – как естественный результат – был убит кем-то, кто решил им завладеть. Полицейские, конечно, должны быть дотошными, и они часто бывают дотошными, но вряд ли обратят внимание на подобную мелочь. – Он еще больше наклонился вперед в красном кожаном кресле, и я подумал, что он вот-вот свалится на пол. – Вы, вероятно, не можете оценить в полной мере, в каком отчаянном положении мы оказались. Этот конкурс – самая крупная рекламная кампания века. Призовой фонд в миллион долларов, два миллиона участников, вся страна в ожидании имен победителей. Мы, разумеется, подумали о том, чтобы отозвать последнее задание и предложить новое, однако это рискованно. Это означало бы, что мы подозреваем, будто один из них знает ответы и, следовательно, является убийцей Далманна, а также что Далманн действительно принес в отель листок с ответами. Кроме того, кто-нибудь из них или даже все они могут отказаться менять задание, над которым успели честно порабо-

тать, и выйдет ужасный скандал. Если ЛБА изменит задание без их согласия, они могут выдвинуть против нас иск и выиграют дело. – Он вынул из кармана лист бумаги и развернул его. – Здесь список крайних сроков. Копия есть у каждого:

> Сьюзен Тешер, Нью-Йорк, до полудня 19 апреля.
>
> Кэрол Уилок, Ричмонд, Виргиния, до полуночи 19 апреля.
>
> Филип Янгер, Чикаго, Иллинойс, до полуночи 19 апреля.
>
> Хэролд Роллинз, Берлингтон, Айова, до полуночи 19 апреля.
>
> Гертруда Фрейзи, Лос-Анджелес, Калифорния, до полуночи 20 апреля.

Хансен снова сунул листок в карман и с облегчением откинулся на спинку кресла.

– Срок, как я уже говорил, будет отмечен на почтовом штемпеле. У мисс Фрейзи, которой добираться до дома дольше, чем всем, срок на день больше. Поскольку их всех задержали в Нью-Йорке, мы, возможно, продлим его и для остальных, если не будет возражений со стороны мисс Тешер, которая живет здесь. Что, если она сейчас продолжает работать и отправит ответы раньше других, не дожидаясь крайнего срока? Что тогда?

– Тогда плохо ваше дело, – фыркнул Вулф.

– Именно. Выход остается один: выяснить, кто взял листок с ответами, сегодня или завтра – как удастся, но в лю-

бом случае до истечения крайнего срока, до полуночи двадцатого апреля. Другого способа нет. С этой бумагой в руках мы будем вправе им сказать: «Один из вас, – тут мы назовем имя, – украл ответы. Потому придется сменить задание. Согласны вы или нет, дело ваше, но мы выдадим вам новые пять загадок, назначим новый срок и определим победителя в соответствии с новыми результатами». В таком случае у них не будет выбора. Верно?

– Не будет, – согласился Вулф. – Но тогда тот, кто взял ответы, выйдет из числа финалистов. Его арестуют по подозрению в убийстве.

– Это нас не касается.

– Верно. Однако и ваша хитрость выйдет наружу. Полиция будет знать, что вы солгали, когда сказали им, будто Далманн в тот вечер пошутил, показав сложенный листок.

– Ничего не поделаешь. Так или иначе, полиция получит убийцу.

– Тоже верно. Однако, – не унимался Вулф, – вы серьезно рискуете, рассчитывая, что за неделю я успею найти вора и доказательства. Могу не успеть. Если же не успею, тогда дела у вас будут не просто плохи, тогда будет катастрофа. До полуночи двадцатого апреля? У меня есть только вот это, – он постучал себе по лбу, – мистер Гудвин и несколько человек, которым я доверяю. Тогда как в распоряжении полиции тысячи сотрудников, связь и широчайшие возможности. Я обязан предложить вам еще раз обдумать создавшееся поло-

жение и рассказать все полиции так же, как рассказали мне.

– Мы все обдумали. Если мы там расскажем, катастрофа случится уже завтра. К вечеру станет известно, что ответы украдены, разразится скандал национального масштаба, репутация ЛБА будет уничтожена раз и навсегда.

Вулф стоял на своем:

– Я должен быть уверен в том, что вы все учли. Даже если я найду виновника раньше назначенного срока, правда все равно выйдет наружу.

– Да, но тогда мы будем знать имя вора и завершим конкурс на условиях, которые устроят всех заинтересованных лиц. Это в корне иная ситуация. Все лишь восхитятся тем, как ЛБА быстро, ловко, блестяще справилась с кризисом.

– Только не полиция.

– Пусть. Но мир рекламы и бизнеса, пресса и простые американцы будут восхищаться.

– Возможно, вы правы. – Вулф повернул голову к Баффу. – Мне хотелось бы еще раз убедиться, что вы все согласны с решением обмануть полицию. Согласны ли вы, мистер Бафф?

Тот сидел багровый, на лбу выступил пот.

– Согласен, – сказал он. – Вынужден.

– Мистер О'Гарро?

– Да. Мы все обсудили, прежде чем ехать к вам.

– Мистер Асса?

– Да. Вы зря теряете время!

– Нет. Если бы вы поручили мне просто поймать убийцу, но ведь нет. Тут слишком много неясного, а мне необходимы детали. – Вулф приподнял ладонь. – Например, важно точно знать, нашел ли тот, кто забрал бумажник, там листок с ответами. Что, если нет? Что, если Далманн просто их дразнил и вор остался ни с чем? В таком случае это усложнило бы мою работу и потребовались бы совершенно другие действия.

– Не беспокойтесь, – ответил О'Гарро. – Листок с ответами. Я был там и видел их. Верн?

– Я сказал бы: двадцать против одного, – произнес Асса. – Если бы это были ответы, его вышибли бы из компании, но за шутку – нет. Как ты думаешь, Оливер?

– Ты прекрасно знаешь, что я думаю, – мрачно сказал Бафф. – Тут дело в характере. Луиса Далманна называли гением новых идей, когда ему было всего тридцать два года, а следующие десять лет он считался главным авторитетом в нашем бизнесе, это был второй Ласкер. Мы все так думали. Но была в нем идиотская черта. Конечно, листок был с ответами. Нет ни малейшего сомнения. Когда ты, Пэт, позвонил мне, я сам был готов к нему ехать, но какой смысл? Даже если бы он при мне уничтожил эту бумажку, чтобы меня потешить, он мог после моего ухода сесть и написать ответы еще раз, и наверняка так и сделал бы. Хотя теперь я жалею, что не поехал. Сейчас судьба ЛБА в такой опасности, в какой не оказывалась за все тридцать восемь лет, что я с ней. Из-за Далманна! Если бы он сейчас пришел сюда – живой, –

не знаю, что я… – Он стиснул зубы и замолчал.

Вулф перевел взгляд на Хансена:

– Мистер Хансен, вы так же уверены, что это была не шутка?

– Уверен.

– В таком случае будем держаться этого предположения, пока оно не опровергнуто. Мне нужно увидеть всех финалистов – желательно порознь, – хотя время и поджимает. – Он взглянул на настенные часы. – Сейчас они, скорее всего, в полиции, но попытаемся. Пусть кто-нибудь из вас позвонит всем по очереди и назначит каждому встречу здесь у меня: в двенадцать тридцать одному, в три следующему, в шесть следующему…

– Как в шесть? – вскинулся Асса. – Бог ты мой! Три часа на одного свидетеля!

– Трех, надеюсь, не понадобится. Достаточно часа. Но с четырех до шести я занят другим делом и…

– Какое другое дело! Это возмутительно!

Вулф посмотрел на него:

– У меня не почасовой договор с вашей компанией, мистер Асса. Мое расписание обсуждению не подлежит. Я работаю как работаю. Один в три, один в шесть, один в семь, и последний в восемь. Можете им сказать, что, поскольку их задержали в Нью-Йорке и это создает определенные сложности в организации финала конкурса, вы просите их побеседовать со мной как с представителем вашей компании. Ра-

зумеется, им не следует говорить о той бумаге, которую им вчера показал мистер Далманн. Обедаю я в девять, так что поинтересоваться отчетом можно по телефону в любое время начиная с половины одиннадцатого.

– Я хотел бы присутствовать при ваших беседах, – сказал Хансен. – Но в двенадцать тридцать я занят.

– Сэр, вы не сможете присутствовать при наших беседах ни в какое время. Вы ведь понимаете, что при вас они замкнутся, придется выпроводить даже мистера Гудвина. Кстати, о нем, у него будет другое задание. Где находится депозитный сейф, в котором хранятся ответы?

– Сорок седьмая улица, банк «Континентал траст».

– Пожалуйста, пусть один из вас в два тридцать встретит там мистера Гудвина. Отведите его в депозитарий, вскройте конверт с заданиями и конверт с ответами. Мистер Гудвин сделает копии и принесет сюда, а оригиналы вы вернете в сейф.

– Это невозможно, – твердо сказал О'Гарро. – Эти конверты не могут быть вскрыты.

– Вздор! – Вулф всегда становился раздражительным, когда его вынуждали работать. – Почему не могут? Эти пять стишков с разгадками никому не понадобятся. Вам в любом случае придется их менять. Возможно, дело обстояло бы иначе, будь у нас неопровержимое доказательство того, что в бумажнике у Далманна не было листка с ответами, но такого доказательства нет. Не могли бы вы назвать мне об-

стоятельства, при которых эти ответы можно будет использовать? Будьте любезны.

Они переглянулись. Вулф ждал.

– Вы правы, – сказал Бафф за всех.

– Следовательно, если они попадут ко мне в руки, то, учитывая, что знать о них будем только мы с мистером Гудвином, вреда это не принесет, а вот пользу – вполне возможно. У меня появилась идея, как ими воспользоваться, и думаю, ее стоит проверить. Так не мог бы кто-нибудь из вас встретить мистера Гудвина в банке в два тридцать?

– Хорошо, – согласился Бафф. – Скорее всего, мы придем вдвоем. Конверты никто еще не вскрывал. Нужно известить мистера Хири. Вероятно, он тоже захочет присутствовать.

– Как пожелаете. К слову, о нем. Его компания увязла в этой истории не меньше вашей. Так что насчет него? Знает ли он о вашем решении нанять меня? Одобряет ли ваши действия?

– Полностью.

– Тогда на этом закончим. Прошу, воспользуйтесь телефоном на столе мистера Гудвина. Не желаете ли, чтобы он набрал для вас номер?

Нет, они не желали, что было лучшим показателем того, в каком отчаянии они пребывали. Эти птички летали высоко, входили в тройку самых крупных в стране агентств, и кабинеты у них были угловые, размером по меньшей мере двадцать на двадцать футов, и доходы исчислялись шестизнач-

ными цифрами, так что, уж конечно, они и забыли, когда в последний раз собственноручно набирали телефонный номер. От них и ждать такого было бы странно. Но тем не менее, когда я встал из-за стола, О'Гарро уселся в мое кресло, спросил номер телефона в «Черчилле» и набрал его с таким видом, будто это было для него самым обычным делом. Я тогда еще подумал: глаза у тебя, парень, умные, сам справишься.

Пришлось немного подождать. Мы сидели и слушали его разговоры. Наконец он положил трубку.

– Двоих нет на месте, – сказал он. – Роллинз только что уехал в полицию. Мисс Фрейзи будет здесь в двенадцать тридцать.

– Нам пора, опаздываем уже на полчаса, – сказал Хансен, вставая. – До остальных дозвонимся позже.

Но Вулф задержал их еще ненадолго: записать, что известно о пяти финалистах. Информации набралось – не разбежишься, на страничку в моем блокноте. Я вышел в прихожую вместе с ними, чтобы проверить, не наденет ли кто-нибудь по ошибке мой плащ, запер дверь и вернулся в кабинет. Вулф сидел, прикрыв глаза, и его пальцы на столе подрагивали. Я прошел к своему креслу, придвинул к себе машинку и вставил в нее лист бумаги, чтобы начать печатать список подозреваемых. Услышал звук шагов, поднял голову и увидел Фрица, который принес поднос с пивом.

– Нет, – сказал я твердо. – Унеси, Фриц.

– Скоро придет женщина! – простонал Вулф.

– Это лишь предлог. На самом деле вы просто терпеть не можете работать, когда ставят такие сроки, особенно если шансы один против четырех тысяч. Признаю, успеть до полуночи двадцатого апреля – это черт знает что за задачка, но девятнадцатого января в три двадцать семь пополудни вы сказали, что, если когда-нибудь до ланча вы попросите пива, я должен вашу просьбу аннулировать, невзирая ни на какие протесты с вашей стороны. Понимаю, в такой ситуации легко утратить контроль над собой, поскольку того и гляди нам дадут по носу, но – до ланча никакого пива. К тому же мы ведь не намерены ставить мистера Бреннера в неловкое положение.

Я встал из-за стола, взял у Фрица поднос и отнес его в кухню.

Глава 4

Если бы я знал, какое испытание ждет Вулфа в обличье мисс Гертруды Фрейзи из Лос-Анджелеса, основательницы и президента Лиги женской природы, мне не хватило бы духу отнять у него пиво. А если бы это знал Вулф, то наверняка отказался бы от дела и послал ЛБА вместе с ее юридическим консультантом куда подальше.

Наверное, стоило бы рассказать, во что она была одета, но не хочется. Скажу только, что наряд свой она стащила в музее. Если же описать саму мисс Фрейзи, никто не поверит. Внутренние уголки глаз почти сходились у длинного тонкого носа. Лба было видно примерно на дюйм над бровями, остальное скрывали седые лохмы. Левая сторона рта изгибалась кверху, правая книзу, и от этого казалось, будто у нее кривой подбородок, хотя, возможно, на самом деле это было не так. Она была в точности моего роста – пять футов одиннадцать дюймов, – и шаг у нее был соответствующий.

Мисс Фрейзи села в красное кожаное кресло, заняв лишь половину сиденья и положив сумку на колени – руки на сумке, спина прямая.

– Не думаю, что поняла, какое отношение смерть этого человека имеет к нашему конкурсу, – заявила она Вулфу. – Убийство не убийство. В правилах нет ни слова о чьей-то смерти.

Когда она говорила, губы двигались перпендикулярно изгибу, а челюсть ходила вверх-вниз. Казалось бы, за столько лет – шестьдесят минимум – можно было бы добиться согласованного движения, но ведь нет.

Вулф попытался ее успокоить:

– Разумеется, мадам, правила конкурса не предусматривают чьей-либо внезапной или насильственной смерти. Состязание ваше задержано не из-за самого факта смерти, а из-за действий полиции, которая попросила участников не покидать город до тех пор…

– Они не попросили меня! Они обязали! Мне сказали, что, если я покину город, меня вернут и арестуют по подозрению в убийстве!

Я покачал головой. Ну и штучка. Ни один коп из убойного отдела, ни помощники окружного прокурора – никто из них не мог такого сказать.

– Иногда полиция усердствует чрезмерно, – произнес Вулф. – Как бы то ни было, я хотел побеседовать с вами не только о конкурсе, но и о вас. После объявления победителей все будут стремиться узнать о вас побольше, поэтому мои клиенты желают заранее получить некоторую информацию. Вынужденная задержка дает нам такую возможность. Мой помощник, мистер Гудвин, будет записывать ваши ответы. Итак, вы, мисс Фрейзи, полагаю, не замужем?

– Нет. И не собираюсь. – Она стрельнула глазами в сторону моей пишущей машинки. – Я хочу потом проверить все,

что он напечатает.

– Разумеется. Вы когда-нибудь выигрывали в конкурсах?

– Я никогда не участвовала в конкурсах. Я их презираю.

– Ясно. Но в этом конкурсе вы участие приняли?

– Естественно. Что за глупый вопрос!

– Согласен. – Вулф был невероятно вежлив. – Однако в ваших словах есть некоторое противоречие: вы презираете конкурсы, однако в этом приняли участие. Вероятно, у вас появился сильный мотив.

– Не думаю, что поняла, какое кому дело до моих мотивов, но могу заявить, что не стыжусь своего поступка. Десять лет назад я основала Лигу женской природы. Сейчас она насчитывает тысячи членов. Не сосчитать. Вот вы, что бы вы сказали о женщинах, которые мажут лицо жиром и сажей, разрисовывают, а себя поливают вонючей дрянью из каких-то смол, лежалых овощей и желез самцов оленя?

– Я не думал об этом, мадам.

– Разумеется, думали. Вы – мужчина. – Она повернулась ко мне. – А вы, молодой человек?

– Смотря чем поливают, – отозвался я. – «Железы самцов оленей» – звучит отвратительно.

– Воняет тоже отвратительно. Но используют уже тридцать столетий. Это мускус. Если в Эдеме Ева случайно пачкала лицо, как она поступала? Умывалась простой чистой водой. Нынешние женщины делают все наоборот! Мажут лицо жиром! Посмотрите на их губы, ногти, на ресницы… на

все остальное. Лига женской природы – главный друг и поборник естественной красоты женщин. Ева была естественной – такой, какой ее сотворил Господь. Единственная настоящая красота – это естественная красота, в этом я разбираюсь. Потому что сама лишена этого волшебного дара. Я не просто некрасива, я безобразна. Те, кому дана красота, не имеют права марать дар природы. Уж я-то это понимаю!

Она снова выпрямила слегка согнувшуюся было спину.

– Я поняла это еще в юности, и с тех пор это мой хлеб и мое знамя. Я всегда сама зарабатывала себе на жизнь, но мне удалось скопить сколько-то денег, и десять лет назад я основала Лигу. У нас много членов, больше трех тысяч, но взносы маленькие, и мы вынуждены ограничивать свою деятельность. Прошлой осенью… в сентябре… я увидела объявление о конкурсе и сначала подумала – как бывало уже не раз, – что наша работа бесполезна, против нас стоит слишком много денег, миллионы и миллионы. Но пока я смотрела на это объявление, мне в голову пришла отличная мысль. Почему бы не использовать на *наше* дело *их* деньги? Я поразмыслила над этим и решила, что мысль правильная. Бóльшая часть наших членов живут в Лос-Анджелесе или поблизости, и среди них много образованных, культурных женщин. Я позвонила нескольким из них и попросила позвонить другим, и все они пришли в восторг от моего предложения. Я организовала работу… Не нужно иметь много ума, чтобы догадаться, как именно. Не прошло двух недель, как у нас было

больше трехсот помощниц. Разгадать первые двадцать загадок не составило большого труда… кроме номера восемнадцать, хотя в конце концов мы и с ним справились. Когда в первом туре вышла ничья, нам выдали следующее задание из пяти загадок и времени на разгадывание меньше недели, что было нечестно, потому что задания отправили почтой из Нью-Йорка и получили мы их позже, чем те, кто живет здесь или поблизости, а загадки оказались сложные, намного сложнее первых, но мы справились, и я отправила ответы на десять часов раньше крайнего срока. Мы справимся и с этими, – сказала она, похлопав по сумке, которая лежала на коленях. – Никаких сомнений. Абсолютно никаких. Справимся, какими бы сложными они ни оказались. Это полмиллиона долларов. Для нашей Лиги.

Вулф слушал внимательно, следя за ходом ее рассуждений и стараясь не хмуриться.

– Необязательно полмиллиона, мадам. У вас четыре соперника.

– Первый приз наш, – сказала она твердо. – Это полмиллиона. – Она вдруг подалась вперед. – Знаете, что такое вспышка?

Он все же нахмурился:

– Вспышка чего? Гнева? Озарения?

– Просто вспышка – ви́дение. Со мной такое случалось два раза в жизни. Один раз – давным-давно, когда я была еще почти ребенком, а второй – в тот день, когда я прочла объ-

явление. Ви́дение снизошло на меня, в меня – так стремительно, что я просто почувствовала уверенность: эти деньги наши. Уверенность приятная вещь – даже прекрасная, – а в тот день это чувство залило меня от макушки до пяток. Я даже подошла к зеркалу посмотреть, не видно ли его снаружи, настолько явное это было ощущение. Нет, видно не было, но уверенность была, потому у меня нет сомнений. Первый приз наш. Финансовая комиссия Лиги уже начала готовить проекты, на которые пойдут эти деньги.

– В самом деле, – пробурчал Вулф, продолжая хмуриться. – Пять последних загадок, которые мистер Далманн выдал вам вчера вечером, – как вы сообщили о них своим коллегам? По телефону? Телеграфом? Авиапочтой?

– Ха! – произнесла она.

И это был весь ответ.

– Вы передали им задания, – продолжал Вулф так, будто сам факт передачи был ему точно известен, – чтобы ваши соратницы сразу же начали работу. Не так ли?

Спина снова выпрямилась.

– Не думаю, что поняла, какое вам до этого дело. В правилах ничего не сказано о запрете обращаться за помощью. Вчера вечером об этом тоже никто ничего не сказал. Утром я позвонила своему вице-президенту, миссис Чарльз Дрейпер, чтобы предупредить, что задерживаюсь и не знаю, когда вернусь. Это был обычный частный разговор.

Она явно решила настаивать на частном разговоре. Вулф

сменил тему:

– Вторая причина, по какой я просил о встрече, мисс Фрейзи, состоит в том, что от лица компании «Липперт, Бафф и Асса», которая является моим клиентом, я должен принести вам извинения за вчерашнюю глупую шутку мистера Далманна, который показал всем сложенный лист бумаги, сделав вид, будто там ответы к заданиям. Это было не только глупо, но и отдавало дурным вкусом. Приношу вам извинения от имени его коллег.

– Ах вот оно как! – воскликнула она. – Я так и думала. Потому и пришла, чтобы вас послушать. – Подбородок задрался, голос стал твердым. – Не выйдет! Так им и передайте. Это все, что я хотела знать. – Она встала. – Думаете, если я некрасива, то и мозгов у меня нет. Они еще пожалеют. Увидите – пожалеют.

– Мадам, сядьте. Не понимаю, о чем вы.

– Ха! У вас-то мозги должны быть. Они поняли, что кто-то туда пошел, убил, забрал листок с ответами, а теперь они…

– Прошу вас! О чем вы? Вы считаете, что ответы взял кто-то из моих клиентов?

– Разумеется, нет. Кто-то из участников. А ваши клиенты загнали себя в угол, из какого не выбраться – разве что полиция найдет преступника, – и теперь хотят сделать вид, будто Далманн ваш пошутил и не было никакого листка, а когда мы пришлем ответы, скажут, вот какие молодцы, призы ваши и вы их получите, но только после того, как полиция

поймает убийцу, а она его, может быть, никогда не поймает. Не выйдет! Убийца теперь знает все пять имен, но ему еще нужно указать, по каким признакам он вычислил правильный ответ, а он этого сделать не сможет. Эти пять загадок наверняка самые сложные из всех, так что их не разгадать просто так, проведя пару часов в библиотеке.

– Ясно. Но вы-то сможете это сделать. Ваши друзья в Лос-Анджелесе уже взялись за работу… Вы уходите?

Она направилась к двери, но повернулась:

– Мне пора, у меня встреча с полицией. С мозгами у меня все в порядке, и я знаю свои права. Я им сказала, что мне не о чем говорить с полицией, а если им нужно со мной поговорить, пусть сначала арестуют, но они не посмели и сами придут в отель. Я не позволю обыскивать мой номер или мои вещи. Я уже рассказала им все, что видела и слышала, и больше ничем не могу помочь. А теперь они, видите ли, хотят знать, что я думаю! Про листок бумаги, который он показал, – в самом ли деле это были ответы? Не уверена, что поняла, с какой стати я должна делиться с ними тем, что я думаю… Но вам скажу, и можете передать мои слова своим клиентам…

Она вернулась от двери, собралась снова сесть в кресло, и я было потянулся за своим блокнотом, но не успела ее пятая точка коснуться красного сиденья, как мисс Фрейзи вдруг заявила:

– Нет, меня ждет полиция, – поднялась и затопала к вы-

ходу.

Когда я вышел в прихожую, она уже была в пальто, и мне оставалось лишь открыть перед ней дверь.

Вернувшись в кабинет, я увидел, что Вулф сидит, откинувшись на спинку кресла, втягивает воздух носом и шумно выдыхает ртом. Я сжал в карманах кулаки и подошел:

– Значит, полиции известно, что это была за бумажка. Тем лучше. До ланча двадцать минут. Может, пива? В виде исключения. – (Он скривился.) – Я, наверное, пороюсь, – предложил я, – в телефонной книге Лос-Анджелеса, найду номер миссис Чарльз Дрейпер, и мы сможем задать ей пару вопросов насчет стишков.

– Нет смысла, – буркнул Вулф. – Если убийца она и ответы у нее, она, безусловно, первым делом передала бы задания своей Лиге. Мозги у нее и в самом деле есть. Если бы я взял ответы, наверное… Нет, преждевременно… Тебе в два тридцать нужно быть у банка.

– Так точно. А вы, поскольку платит все равно компания, могли бы позвонить Солу, Фреду, Орри, Джонни и Биллу, и пусть бы они проверили все как следует. Хотя, раз четверо из пяти живут в «Черчилле», это будет еще та работка…

– Нет смысла. Если там есть что искать, полиция это найдет раньше, чем мы начнем. Возможно, они…

Зазвонил телефон. Я снял свою трубку, услышал хорошо знакомый низкий, грубый голос, который явно нуждался в напильнике, прикрыл трубку ладонью и сказал Вулфу, что с

ним желает поговорить сержант Пэрли Стеббинс. Вулф потянулся к своему аппарату, а я стоял рядом, поскольку мне положено быть под рукой, если нет другого указания.

– Это Ниро Вулф, мистер Стеббинс. Как поживаете?

– Нормально. Хотел бы заглянуть к вам повидаться… скажем, в три часа?

– Прошу прощения, в три я буду занят.

– В три тридцать?

– Еще буду занят.

– Ладно… До шести, думаю, дело терпит. Как насчет шести?

Пэрли знал, что с четырех до шести Вулф возится с орхидеями и изменит свое расписание, только если поблизости взорвется водородная бомба.

– Прошу прощения, мистер Стеббинс, сегодня я занят весь день и весь вечер. Возможно, вы могли бы сообщить, в чем дело…

– Так точно. Могу. Этак по-дружески взять и сообщить. Я хочу узнать ваше мнение по делу об убийстве.

– У меня нет мнения ни о каком убийстве.

– Нет мнения? Вот черт… – Стеббинс прикусил язык, и фраза осталась незаконченной, потом снова продолжил: – Послушайте, я знаю вас, вы знаете меня. Я не любитель плясать вокруг да около. А что насчет женщины по имени Гертруда Фрейзи? Она вошла в ваш дом в половине первого и, насколько мне известно, до сих пор там находится. А вы мне

говорите, у вас нет мнения по поводу убийства человека по имени Луис Далманн? Скажите это Гудвину. Я не пытаюсь увести у вас кусок, а просто хочу зайти и задать несколько вопросов? В шесть?

– Мистер Стеббинс, меня никто не нанимал расследовать дело об убийстве ни Луиса Далманна, ни кого-либо другого, – сказал Вулф сдержанно. – В прошлый раз, когда вы и другие сотрудники вашего отдела помешали мне расследовать случай насильственной смерти, вы издевались надо мной и травили меня. Если бы я снова вторгся на вашу территорию, то ждал бы такого же отношения, но в этот раз я никуда не вторгаюсь, так что, ради всего святого, оставьте меня в покое.

Он повесил трубку, и я сделал то же самое одновременно с ним.

– Признаю, вы выбирали слова очень осторожно, так что у нас есть шанс выиграть время, по крайней мере до тех пор, пока он не доложит Кремеру.

– Сам знаю. – Голос звучал уже лучше. – Дверь на цепочке?

Я вышел проверить, а потом прошел в кухню сообщить Фрицу, что мы в осаде.

Глава 5

Я мог бы отчитаться о том, как прошла наша встреча просто: пришел в два тридцать, получил стишки и ответы, снял копии, и на том дело кончилось, но, по-моему, сейчас самое время доставить всем удовольствие и познакомить читателя с мистером Тэлботтом Хири. Меня, например, этот человек удивил. Не знаю, с какой стати – наверное, подсознательно, – я почему-то считал, что парфюмерный магнат должен и выглядеть соответствующе, а он не выглядел. И парфюмерией от него не пахло. Ростом он был выше меня, то есть больше шести футов, в плечах шире и лет на десять моложе, а кожа у него на щеках так обтягивала скулы и была до того гладкая, будто ее никогда не касалась бритва. К тому же я не заметил ни малейших признаков жира, сажи или краски. Он вполне мог бы стать основателем Лиги мужской природы.

Вместе с ним меня ждали Бафф и О'Гарро. Асса не пришел. Они намеревались кое-что объяснить мне, прежде чем нас проведут к сейфам, и потому мы втроем – Бафф, Хири и я – прошли в небольшую комнату, где вскоре появился О'Гарро вместе с сотрудником банка. Они принесли банковский ящичек, размером пять на три дюйма и длиной восемнадцать, который и был ими арендован для их исключительных целей. Сотрудник поставил ящик на стол и вышел, О'Гарро щелкнул замком, открыл крышку и вынул шесть

конвертов, запечатанных сургучной печатью. Четыре из них были вскрыты.

– Вам ведь нужны последние пять заданий? – спросил О'Гарро.

Я сказал «да», и он вручил мне два запечатанных конверта. Один был подписан: «Задания для третьего тура конкурса „Pour Amour“»; второй: «Ответы третьего тура конкурса „Pour Amour“». Я вынул из кармана собственный нож, чтобы вскрыть конверты, и тут О'Гарро сказал: «Я не должен их видеть» – и отошел к дальней стене, а за ним туда же отошли Бафф и Хири. Оттуда им было не видно написанного, но меня видно, и они внимательно за мной наблюдали. На столе лежали карандаши и дешевые перекидные блокноты, но я предпочитаю свои, достал карандаш и блокнот, сел и все переписал. С одной страницы – пять загадок-четверостиший, с другой – пять женских имен и краткие пояснения. Закончил я быстро. Когда я вкладывал их листки в конверты, Бафф спросил у меня:

– Вас зовут Арчи Гудвин?

– Так точно.

– Пожалуйста, напишите на каждом конверте: «Вскрыл и сделал копии содержимого Арчи Гудвин, тринадцатого апреля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года в присутствии Тэлботта Хири, Оливера Баффа и Патрика О'Гарро» – и поставьте подпись.

– Что-то мне это не нравится, – после секундного размыш-

ления сказал я. – Не хочу расписываться на бумажках, цена которым миллион долларов. Как насчет такого? Я напишу: «Вскрыл и сделал копии содержимого Арчи Гудвин тринадцатого апреля тысяча девятьсот пятьдесят пятого года с нашего разрешения и в нашем присутствии», а вы, джентльмены, распишетесь.

Они сказали, что и так годится, после чего я надписал конверты, они расписались, а О'Гарро положил оба конверта в ящик, запер его и унес. Вскоре он вновь присоединился к нам, и мы вчетвером поднялись на один марш по широкой мраморной лестнице и вышли из банка. На улице Хири спросил у них, куда они сейчас направляются, и они ответили, что к себе в офис, который расположен за углом. Тогда Хири повернулся ко мне:

– А вы, Гудвин?

Я ответил, что к себе на Западную Тридцать пятую, и он сказал, что едет в центр и что нам по пути и он может меня подбросить. Бафф и О'Гарро пошли к себе, а Хири поднял руку, поймал такси, мы сели, и я назвал водителю адрес: угол Тридцать пятой улицы и Девятой авеню. Мои часы показывали без десяти три, так что я успевал вернуться до прихода второго гостя.

На углу Пятой авеню такси остановилось на красный свет, и Хири сказал:

– У меня есть немного свободного времени, и я думаю, не заскочить ли к вам на минутку побеседовать с Ниро Вулфом.

– Только не сейчас, – ответил я. – У него встреча.

– Но сейчас я свободен.

– Как ни жаль, придется подождать. В общем, даже долго. Сегодняшний день у него расписан до вечера, до десяти тридцати или до одиннадцати.

– Но мне необходимо его увидеть.

– Сожалею. Я передам ему ваше пожелание, и он тоже будет огорчен. Если хотите, дайте свой номер телефона, я позвоню и скажу, когда он освободится.

Хири вынул из кармана бумажник, порылся и достал новенькую хрустящую двадцатку:

– Вот. Мне ненадолго. Уложусь минут в десять.

Я был польщен. Чаевыми обычно дают пятерку, десять – уже щедро.

– Глубоко вам признателен, – произнес я с чувством, – но я не привратник и не швейцар. У мистера Вулфа для разных целей работают разные люди. Я у него – чтобы переписывать стишки, которые хранятся в банковских ячейках. На этом мои полномочия заканчиваются.

Аккуратно положив в бумажник двадцатку, Хири сказал, не меняя ни тона, ни голоса:

– В другое время в другом месте я хорошенько бы вам врезал.

Теперь, надеюсь, все понимают, почему мне захотелось рассказать о нем подробнее. На том наш разговор закончился. Пока такси ползло по запруженным улицам, я, чтобы

скоротать время, придумал пару-тройку ответов на его последнее высказывание, но, в конце концов, это было его такси, и предложил он мне целых двадцать долларов, что было очень мило с его стороны. Поэтому, когда машина остановилась на углу Тридцать пятой, я сказал лишь:

– До встречи в другом месте в другое время, – с тем и вышел.

Сначала я направился в нашу аптеку на углу, там вошел в телефонную будку, набрал номер, подождал, пока не снимут трубку, и ее снял Вулф, который сказал: у нас все спокойно. Это могло ничего и не значить, если Кремер пустил хвост за всеми пятью финалистами или же, например, за мисс Фрейзи, потому проверить не мешало, и я прошел снова квартал до дома доктора Волмера, примерно в тридцати ярдах от нас, и свернул в проулок, откуда было видно наше крыльцо. Часы показывали десять минут четвертого. Я ожидал, конечно, приезда такси, потому не обращал внимания на пешеходов и, лишь случайно бросив взгляд на восток, увидел идущего там человека, которого хорошо знал. Тогда я быстро повернул голову в противоположную сторону, и как раз вовремя, потому что в этот момент по нашим ступенькам поднималась женщина. Я вышел из проулка и перегородил собой путь Арту Уипплу из отдела расследования убийств Западного Манхэттена. Арт остановился, разинул рот, закрыл.

– Ей я ничего не скажу, – пообещал я. – Разве что ты сам попросишь что-нибудь передать.

– Да иди ты, – предложил мне он.

– В другой раз и в другом месте. Она пробудет у нас около часа. Если решишь посидеть у Тони за углом, я тебе позвоню, когда она соберется уходить. Удачи!

Я подошел к крыльцу и, поднимаясь по ступенькам, слышал, как приоткрывается дверь и голос Фрица произносит:

– Ваше имя, мадам?

Из-за ее спины я крикнул ему, что все в порядке, я вернулся, и Фриц снял цепочку, открыл, и мы с нашей гостьей вошли. Пока Фриц возился с замком, я предложил ей снять пальто – пальтишко из коричневой шерсти, которое неплохо было бы немного освежить, – но она сказала, что хотела бы в нем остаться, что ее фамилия Уилок и что она пришла к Ниро Вулфу.

Я провел ее в кабинет и представил Вулфу:

– Миссис Джеймс Р. Уилок, Ричмонд, Виргиния.

После чего открыл сейф, вырвал из своего блокнота те четыре листка, которые исписал в банке, положил во внутренний ящик, закрыл дверцу, набрал шифр и захлопнул внешнюю дверцу. Когда я устроился за своим столом, Кэрол Уилок уже сидела в красном кожаном кресле, а ее пальто висело на спинке.

Нам о ней было сказано, что миссис Уилок – домохозяйка, и если информация соответствовала действительности, то ее дом, вероятно, в скором времени мог лишиться своей хозяйки. Выглядела миссис Джеймс Р. Уилок так, будто неделю

не ела и не спала месяц. Если бы ее подкормить, дать хорошенько выспаться, подождать, пока к ее весу фунтов в сто прибавятся этак двадцать, она наверняка оказалась бы очень даже миленькой и вполне могла бы составить счастье какого-нибудь мужчины, повернутого на матримониальной идее, но сейчас, чтобы это себе представить, требовалось усилие. Единственное, что в ней оставалось, были глаза. Темные, сейчас запавшие, они привлекали глубиной скрытого в них огня.

– Должна предупредить, – начала она низким ровным голосом, – я не хотела с вами беседовать, но меня убедил мистер О'Гарро. Я приняла решение не давать никому никакой информации. Но если у вас есть что сказать мне, я выслушаю.

Вулф смотрел на нее сердито, и мне захотелось ей объяснить, что ее слова тут ни при чем, а ему просто тяжело смотреть на голодных, а вид человека, который голодает не меньше месяца, для него просто невыносим. Тут он сказал:

– Вам наверняка сообщили, миссис Уилок, что я действую в интересах компании «Липперт, Бафф и Асса», которая совместно с «Хири продактс инкорпорейтед» проводит ваш конкурс.

– Да, так мне сказал мистер О'Гарро.

– У меня и в самом деле есть что вам сказать, хотя немного. Пункт первый: я уже побеседовал с одной из финалисток, мисс Гертрудой Фрейзи. Вероятно, вам известно, что она ос-

новала и является президентом организации под названием Лига женской природы. Около трехсот членов Лиги, как говорит мисс Фрейзи, помогли ей дойти до финала, что, разумеется, не является нарушением правил. Она не говорит, что сообщила им тексты нового задания, которые вы получили вчера, и что ее Лига уже взялась за работу, но я не исключаю такую возможность. Не хотите ли это прокомментировать?

Она смотрела на него во все глаза, и губы у нее шевелились.

– Триста помощников, – наконец выговорила она, и Вулф кивнул. – Это жульничество. Это… Так нельзя. Как вы можете ей это позволять!

– Тут мы бессильны. Поскольку она не нарушила ни одного правила конкурса, а также ни одного пункта вчерашних договоренностей, то что поделаешь. Это один из аспектов той нелепой ситуации, в которую мы все попали из-за убийства Луиса Далманна.

– Я должна увидеться с остальными. – Огонь в глубине ее глаз разгорелся ярче. – Это недопустимо. Мы откажемся выполнять это задание. Мы потребуем, чтобы нам, до нашего отъезда, выдали новые.

– Это абсолютно устроило бы мисс Фрейзи. Она одна прислала бы ответы вовремя и претендовала бы на первый приз, а если бы не получила, подала бы в суд и, скорее всего, выиграла бы процесс. Чтобы ее победить, нужно придумать что-нибудь получше. Возможно, воспользоваться ее же приемом.

Вы, конечно же, тоже могли бы обратиться за помощью… У вас есть муж, друзья…

– Мне не к кому обращаться.

Ее вдруг начала бить дрожь – сначала затряслись руки, потом плечи, – и я уже было решил, что должен как-то помочь, но тут она выкинула такой фокус, какого я никогда не видел. За годы моей работы у Вулфа в этом кабинете бывало плохо самым разным женщинам всех возрастов, форм и размеров. Кому-то я успел вовремя налить хорошую порцию бренди, кого-то привел в чувство пощечиной, кого-то вывел на воздух… Вулф каждый раз немедленно уходил, он не выносит подобных сцен. Но сейчас я успел лишь встать и сделать шаг, но тут она показала мне язык, то есть это я так сначала подумал. На самом деле она высунула язык не для меня, а для того, чтобы прекратить приступ, и прикусила кончик. Язык налился кровью, но она прикусила сильнее. Зрелище не из приятных, но прием сработал. Ее перестало трясти, она разжала кулаки – сжала, разжала, – обняла себя за плечи и затихла. Спрятала язык. Я чуть было не похлопал ее по плечу в знак восхищения, но решил, что женщина, которая способна справиться за десять секунд с таким приступом, скорее всего, не нуждается в моих восторгах.

– Прошу прощения, – сказала она.

– Бренди, – обратился ко мне Вулф.

– Нет, – возразила она, – я в порядке. Я не пью бренди. Это меня доконало ваше предложение обратиться за помо-

щью. Мне не к кому обращаться. С первым туром я справилась относительно легко, потом стало труднее, а потом, когда стало по-настоящему трудно… Не знаю, как я это выдержала. Я сказала, что не намерена ничего рассказывать, но, когда услышала о трехстах помощницах мисс Фрейзи… Мне тридцать два года, у меня двое детей и муж-бухгалтер, который зарабатывает пятьдесят долларов в неделю. Сама я до замужества работала учительницей. Я много лет принимала свою жизнь такой, какая она есть, пока не увидела объявление о конкурсе, и тогда я решила его выиграть. Я хочу купить хороший дом, машину… Две машины. Для мужа и для себя… Купить одежду и, если муж захочет, отправить его на курсы, чтобы он получил диплом государственного аудитора. Я приняла это решение, когда прочла объявление. Вы понимаете, что я имею в виду.

– Безусловно, – пробормотал Вулф.

– Когда стало трудно, мне некого было попросить о помощи, но если бы и было, то потом пришлось бы делиться призом. Все семь недель основного конкурса мне не хватало времени нормально поесть и поспать, но самое худшее началось, когда вышла ничья и мы получили дополнительное задание. В ту неделю я почти не спала: боялась сделать ошибку и до последней минуты без конца проверяла ответы. На почте я заставила приемщицу показать мне штемпель, который она поставила на конверте. Как вы думаете, после всего этого позволю я кому-нибудь меня обжулить? Мы сидим здесь,

потому что нас не отпускает полиция, а у мисс Фрейзи уже работают триста помощниц!

Увидев, как она прекратила приступ, я ни на секунду не усомнился, что она ни за что и никому не позволит помешать ей добиться желаемого, жульнически или нет.

– Конечно, это несправедливо, – согласился Вулф, – хотя сомневаюсь, что ее действия можно назвать жульническими, по крайней мере в юридическом смысле. К тому же, согласитесь, кто-то из финалистов поступил более дерзко, чем мисс Фрейзер. Кто-то ведь убил мистера Далманна, чтобы забрать ответы.

– На эту тему я говорить не намерена, – заявила она. – Я приняла решение.

– Хотя с полицией вы, разумеется, об этом поговорили.

– Да. Конечно. Меня там продержали несколько часов.

– И вас, разумеется, спросили, что вы подумали вчера вечером, когда мистер Далманн показал лист бумаги: шутит он или там и в самом деле ответы? Что же вы им сказали?

– Я не намерена говорить на эту тему.

– Вы так сказали в полиции? Что не будете об этом говорить?

– Нет. Тогда я еще не приняла решения. Приняла позже.

– Вы с кем-то консультировались?

Она покачала головой:

– С кем я могла бы консультироваться?

– Не знаю. С адвокатом. Позвонили мужу.

– Адвоката у меня нет. Мужу я в любом случае не стала бы звонить… Я знаю, что он ответит. Он вообще считает, что я спятила… Адвокат стоит дорого, у меня на него нет денег. Нам оплатили проезд и отель, а на расходы не дали. Я опоздала к вам, потому что сначала села не в тот автобус. Ни с кем я не консультировалась. Я приняла решение сама.

– В таком случае полиции вы рассказали о том, что подумали, когда мистер Далманн показал тот листок?

– Да.

– Тогда почему не сказать и мне? Уверяю вас, я действую исключительно в интересах своих клиентов, которые желают лишь честно и справедливо распределить призы. Вы не можете не понимать, что, если кто-нибудь из участников взял листок с ответами, сделать это будет в высшей степени сложно. Вы это понимаете.

– Да.

– Хотя мои клиенты полагают… более того, они убеждены, что вчера мистер Далманн показал просто лист бумаги, он попросту всех разыграл, и таким образом, никто из вас не мог получить ответы. Есть ли у вас что на это возразить?

– Нет.

– Вы согласны со мной?

– Да.

– В таком случае вы сказали в полиции, что, когда мистер Далманн показал всем тот листок, вы посчитали это шуткой, и следовательно, абсурдно подозревать вас в том, что вы мог-

ли бы последовать за ним, войти в его квартиру и там убить, поставив себе целью завладеть ответами. И поэтому вас нужно исключить из числа подозреваемых… Арчи, ты звонил мне из аптеки на углу. Ты кого-нибудь заметил?

– Да, сэр. Арта Уиппла. Он приходил сюда, когда вы вели дело Хеллера.

– Расскажи подробнее миссис Уилок.

Мы с ним обменялись взглядами.

– Я ждал вас у дома, – начал я, – и видел, как вы пришли и как за вами шел детектив из отдела убийств. Мы с ним знакомы, так что перебросились парой слов. Когда пойдете обратно, может, заметите: примерно той же комплекции, что и я, тяжеловатая походка, одет в темно-серый костюм и темно-серую фетровую шляпу с опущенными полями.

– Он следил за мной?

– Так точно.

Она перевела взгляд с меня на Вулфа:

– Вот как они со мной.

Левая рука у нее снова начала трястись, и миссис Уилок обхватила пальцы правой рукой и крепко стиснула.

Вулф закрыл глаза, вероятно, чтобы не увидеть еще раз ее языка. Но тут она вдруг поднялась и спросила, нельзя ли воспользоваться ванной.

Я сказал: конечно – встал и открыл малозаметную дверь в дальнем углу кабинета, за моим столом слева.

Миссис Уилок провела там добрую четверть часа, не из-

дав при этом ни звука. Перегородка у нас, как все внутренние стены на первом этаже, звуконепроницаемая, но у меня слух острый, а я ничего не услышал. Я сказал что-то на этот счет Вулфу, но тот только хмыкнул. Через некоторое время он бросил взгляд на часы: без двадцати четыре. С тех пор он вскидывал на них глаза каждые две минуты. Ровно в четыре Вулф поднимается к своим орхидеям. До четырех оставалось девять минут, когда дверь из ванной открылась.

– Прошу прощения, – подойдя к Вулфу, сказала миссис Уилок своим низким, ровным голосом. – Пришлось принять лекарство. Кормят в отеле хорошо, но я там есть не могу. Все это время я почти ничего не ела. Но вы, наверное, хотели сказать мне еще что-то?

– Молочный тост, – ворчливо произнес Вулф. – Мой повар Фриц Бреннер делает их потрясающе. Сядьте.

– Я не смогу его съесть. В самом деле.

– Тогда горячий бульон. Домашний. Будет готов через восемь минут. Мне сейчас нужно вас покинуть, но мистер Гудвин…

– Не могу. Я должна вернуться в отель, чтобы поговорить с остальными о мисс Фрейзи… Думаю, да… Нет, обдумаю в автобусе. Это все-таки жульничество.

Она сняла со спинки кресла свое пальто, а я подошел и подержал его, чтобы она оделась.

Зная, что в это время дня на остановках толпы народа, а также твердо уверенный в том, что это не разорит ЛБА, я за-

ставил ее взять доллар на такси, который она не хотела брать, пока я не пообещал внести его в список расходов. Когда я запер за ней дверь, Вулф уже входил в лифт.

– Ответы ты положил в сейф, – констатировал он.

– Да, сэр, во внутреннее отделение. По телефону я уже доложил, что присутствовали Бафф, О'Гарро и Тэлботт Хири, но не сказал, что до дома меня подвез на такси Хири и предлагал двадцать баксов, чтобы я впустил его в дом и он немедленно поговорил бы с вами. Я сказал…

– Дословно, пожалуйста.

Я передал разговор дословно, и это было вроде разминки, учитывая, что вечером он потребует дословную запись всех бесед за весь день, с пятью или шестью посетителями, и я ему ее представлю. От себя я добавил:

– Так, в скобках: Хири со мной не справится, только разве что позовет еще кого-нибудь, чтобы меня держать. Не хотите ли, чтобы я ему где-нибудь вмазал?

Он сказал, что нет, Хири подождет, вошел в лифт и поехал вверх, а я пошел в кабинет.

У меня оставалось несколько еще не сделанных дел, и пора было напечатать беседы с мисс Фрейзи и миссис Уилок. Не то чтобы я считал, что в них может оказаться нечто важное. Я прекрасно знал, что Вулф всего лишь закидывает удочки в надежде случайно выловить факт или какое-то слово, которое даст толчок для расследования, так как метод этот срабатывал множество раз и приносил фантастические

плоды, но тут от гения требовалась не менее фантастическая скорость. Финалистов у нас пятеро, и на каждого нужно время, а времени было в обрез. Вулф должен был успеть до полуночи двадцатого апреля.

Я уже наполовину напечатал беседу с Фрейзи, когда зазвонил телефон.

– Кабинет Ниро Вулфа, говорит Арчи Гудвин, – сняв трубку, сказал я.

Мужской голос произнес:

– Мне нужно поговорить с мистером Вулфом. Это Патрик О'Гарро.

Они явно плевали на традиции. Эти слова мистер О'Гарро должен был сказать своей секретарше, а та должна была дозвониться до меня и минут пять уламывать, чтобы я позвал к телефону Вулфа. Единственное, чем это можно было объяснить, – это тем, что играли они на грани фола, и никто, даже секретарши, не знали про Ниро Вулфа.

– Он занят, – ответил я, – хотя, если я попробую отвлечь его ради телефонного звонка, может и получиться. Хотите использовать меня как передаточное устройство?

– Я хочу спросить, продвинулся ли он в расследовании хоть сколько-нибудь?

– Разве что в своих умозаключениях. Он же сказал, чтобы звонили вечером. Он встретился только с мисс Фрейзи и миссис Уилок. Как насчет остальных?

– Потому я и звоню. Сьюзен Тешер явится в шесть,

Хэролд Роллинз – в семь, но Янгер не приедет. Он лежит в номере с приступом аритмии. От окружного прокурора его привезла «скорая помощь». От больницы он отказался. Его осмотрел мой врач, сказал, что ничего серьезного.

Я обещал передать это Вулфу и записал гостиничный номер Янгера. Попрощавшись, я снял трубку внутреннего телефона и позвонил в оранжерею.

– Да? – рявкнул в трубку Вулф.

– Только что звонил О'Гарро. Одна придет в шесть, другой в семь, а Филипу Янгеру в окружной прокуратуре стало плохо с сердцем, приступ аритмии, так что он лежит в номере. Должен ли я навестить больного?

– Вернись к шести.

Я сказал, что понял, и в трубке загудело.

Я задержался лишь на пару минут. После одного случая много лет назад я дал себе слово никогда не идти без оружия по делу, связанному с убийством, хотя на этот раз мы занимались не убийством, а всего лишь пытались вычислить вора. Потому я постоял немного, раздумывая, решил, что разницы никакой, достал из стола кобуру, надел, достал оттуда же свой «марли» 32-го калибра, зарядил, сунул в кобуру, вышел в прихожую и крикнул Фрицу, чтобы тот запер за мной дверь.

Глава 6

Можно было не сомневаться, что коридорная на восемнадцатом этаже «Черчилля» не пожелает мне ничего сообщать, поскольку газетчики, конечно, уже охотились за нашим квинтетом, и потому я предвосхитил беседу с ней встречей с Тимом Эвартсом, который работал в отеле первым заместителем начальника службы безопасности, а заодно штатным детективом и был мне кое-чем обязан. Он вернул мне должок, позвонив коридорной по телефону, но лишь после того, как я дал слово не устраивать стрельбу и не находить в номерах трупы, а всего-то от нее и требовалось только покрутить в руках мою визитку и показать, куда идти.

Номер 1826 оказался примерно в середине длинного коридора. В коридоре никого не было, кроме горничной с полотенцами, из чего я сделал вывод, что наши коллеги, состоявшие на службе у города, еще не взяли отель под наблюдение. На первый же мой короткий стук в номер 1826 из-за двери послышалось довольно тихое приглашение войти, и я вошел и могу засвидетельствовать, как ЛБА расстаралась для своих гостей. Это был номер за пятнадцать долларов, с двумя односпальными кроватями, которые стояли головой к стене слева. На одной под одеялом лежал натуральный король Коль Старый, бледный, с копной растрепанных белых волос и больными глазами.

Я подошел поближе:

– Меня зовут Арчи Гудвин. Я помощник Ниро Вулфа, который сейчас представляет интересы компании «Липперт, Бафф и Асса». – Я увидел стул, подставил к кровати и сел. – Необходимо прояснить некоторые мелочи, касающиеся вашего участия в конкурсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.